Агриппина

Наталья Егорова

SHOUT
SHARE
IT

- Наталья Егорова
  -
  - ***
  - ***
  - ***
  - ***
  - ***
  - ***

Наталья Егорова

Агриппина

Главред походил на мультяшного суслика. Мяконькими щечками, взъерошенным песочного цвета хохолком и манерой, обращаясь к собеседнику, вытягивать шею из жёсткого воротника.

Вот только глаза у него были - как дула двустволки.

– Опыт работы у вас?

– Три года, - торопливо подсказал Антон, - в "Модном софте".

И мгновенно укорил себя за суетливость. Нельзя показывать, что тебе нужна эта работа, так во всех пособиях пишут. Спокойствие, надёжность, уверенность... Руки расцепить и на стол.

– Это журнал?

А то в резюме не видно, что журнал!

– Да. Популярный. Компьютерная тематика.

– А почему ушли?

Поди ответь. Честно признаться, что вылетел за излишнее наукообразие и отсутствие уменьшительных суффиксов? "Очаровательная программка" вместо "оптимального решения" и "симпатичные кнопочки" вместо "удобного интерфейса". "Самая модная программулечка этого месяца" - брр, гадость какая.

– По личным причинам.

– Да? - заинтересовался главред. - Конфликтовали с руководством?

– Н-ну, - как бы это сформулировать обтекаемо, - видите ли, в редакции работали одни женщины...

Строго говоря, был еще бухгалтер сильно пенсионного возраста, обременённый детьми, внуками и дачей в районе Истры, и мальчишка-сисадмин. Но мальчишка был занят исключительно железками, попыток флирта не замечал вовсе, а на вопросы отвечал коротко и непонятно.

Так что всё внимание девушек обрушивалось на Антона.

– Антончик, не посмотришь, чего у меня не печатается?

– Антоша, а куда у меня интернет пропал? Вот тут была кнопочка с синенькой буквочкой...

– Антонио-о, а ты новую игрушечку ви-идел?

И за спиной без конца шу-шу-шу, хи-хи-хи... Главное, не дай бог выделить одну - остальные тут же начинают мелко пакостничать. То карандаш утащат, то кофе на мышиный коврик

прольют.

А восьмое марта - вообще ежегодное разорение.

– Угу, угу, - покивал главред, - С этим понятно. А что вы думаете об НЛО?

Вот оно, начинается. Как должен ответить потенциальный работник журнала "Взгляд в невозможное"? Антон подобрался и поправил очки.

– Ну, на основании имеющихся данных можно говорить и о естественной их природе, и о технологической. Впрочем, может быть, в некоторых случаях... имело место добросовестное заблуждение, - ёлки зелёные, что он несёт! - контактёров... тема-то популярна, - неловко закончил он.

– А о домовых?

– Н-ну, нельзя отрицать, что свидетельства якобы очевидцев, - зачем он сказал "якобы", поменьше скепсиса, - в основных чертах совпадают... Видимо, можно предположить...

– А о возвращении мертвецов с того света?

– Н-ну, - английское "well" звучит гораздо интеллигентнее, чем наше неуверенное "ну", почему они говорят не по-английски, - ну, массовое сознание склонно смешивать здесь, - какое к лешему массовое сознание! - реальные случаи, когда хоронили впавших в летаргический сон, и мифы о...

– Короче, Антон... - пронизывающий взгляд мимолётно коснулся резюме, - Викторович, вы во всё это верите? Да или нет?

Да уж, короче не придумаешь. Антон вспотел от напряжения, мушиные лапки щекотно побежали за воротник. "Да, конечно", - и изобразить искренний взгляд. И ладони на стол - я открыт, я спокоен.

Но ведь потом придётся доказывать. Взахлёб расписывать процесс контакта с зелёными человечками, ужасаться загробной мести загубленного родственника. "Самый модный домовой этого сезона"...

Если подумать, то так ли нужен ему именно этот журнал?

– Нет. В целом - нет, - и добавил, будто это что-то объясняло. - Я заканчивал технический институт.

Главред откинулся на спинку кресла. Двустволка уставилась в потолок.

– У нас вы будете работать с письмами читателей.

Работать у нас? Он не ослышался?

– Извините... я сказал, нет. Не верю.

Придурок, зачем он настаивает? Должность была почти в кармане.

– Именно поэтому вы нам подходите, - сусличья физиономия осталась невозмутимой. - С теми, кто истово верит во всю эту

околесицу, невозможно работать.

Однако...

– Главное, не зацикливаться на пережёвывании старых сенсаций, надёжнее создавать новые.

И без перехода:

– Вы будете Агриппиной.

– Простите?

– Будете так подписывать вашу колонку. Фактически, вам нужно будет разработать эту роль до мелочей. Вам ведь придётся не только на письма отвечать, а и интервью давать впоследствии - естественно, заочно. Я бы начал, скажем, с образа молодой женщины, житейски мудрой но не без ехидцы.

– Но я...

– Вас это напрягает? То, что вы будете подписываться женским именем?

– Да нет, но...

– Пойдёмте, я покажу ваше рабочее место. Корреспонденция у нас и бумажная, и электронная, 90 процентов - хлам, а из оставшегося будете выбирать самое интересное. Сумасшедших приветствовать, но не поощрять. Пока всё понятно?

– Н-ну...

***

Готовясь к собеседованию, Антон старательно изучил три номера "Взгляда в невозможное". Журнальчик был в общем так себе: рыхлая бумага, иллюстрации, заставляющие подозревать художника в шизофрении (одни лица в клеточку чего стоили!), Бермудские треугольники, лешие, полтергейсты и прочая метафизическая мишура. Интересен он был, пожалуй, лишь своими персонажами - постоянными ведущими рубрик и раздельчиков.

Был здесь дед Макар Игнатьич - реликт из заброшенной деревни, виртуозно бранившийся с зелёными человечками из НЛО, которыми окрестная глушь так и кишела. Была престарелая девица Лилия Белоглазова - жеманная хранительница фамильных тайн и леденящих историй о привидениях. Была хитрая гадалка Руфия, от чьих предсказаний ощутимо веяло нейро-лингвистическим программированием. Была сладкая парочка Вилен Саранов и Вольдемар Кизяков - эти копались в технических подробностях таинственных катастроф, то и дело ссылаясь друг на друга и ведя непрерывные споры. Был эстет и мистик А. Бельмонт - не иначе как производный от Бальмонта и Бельмондо - густо замешивающий статьи на литературных аллюзиях и прочем постмодернизме. И так далее, и тому подобные.

Закулисье же "Взгляда в невозможное" оказалось помесью психбольницы и балагана. Ибо здесь никто не походил на себя журнального.

Дед Макар оказался хрупкой шатенкой Юлечкой, голубоглазым эльфом, что не ходила, а левитировала, не касаясь разбитых паркетин. Эстет Бельмонт предстал бабником и матершинником Козловским, к чьим губам навечно прилипла жёваная сигарета, а свитера отличались психоделичностью расцветки. Девушки оказывались циничными мужиками, скептические технари - восторженными лириками, а Саранов с Кизяковым - и вовсе супругами Галей и Витей, пребывающими последний десяток лет на грани развода, что не мешало им совместно копаться в катастрофах и сенсациях.

Вот разве что генерал-бабка Ника по возрасту оказывалась где-то рядом со своей аватарой Белоглазовой. Зато в остальном она оставалась реликтом советского времени - в кофтах с люрексом и громадных брошках, с выкрашенной хной жёстко завитой шевелюрой (хнойная барышня, как отрекомендовал её Козловский). Поговаривали, что она раз пять побывала замужем и всех мужей методично свела в могилу. Глядя в горящие из-под

огненных вихров глаза, Антон верил.

Откуда брался в каждом из них чуждый язык и мысли, что выливались в статьи, оставалось загадкой.

Познакомился Антон и с художником. Коренастого, быковатого, с низкой линией жёстких волос, его легко было представить за рулём джипа или в шумной компании у подъезда с бутылкой пива в короткопалой руке. Вопреки производимому впечатлению, изъяснялся он на хорошем русском, пива не пил, а на рабочем столе держал учебники по психиатрии, густо утыканные закладками. Антон испытал настоящее потрясение, когда выяснилось: свои безумные иллюстрации он методично компилирует из симптомов психических отклонений.

– Производит хорошее впечатление, - пожимал он литыми плечами. - Если ты псих, можешь сойти за гения. Если можешь сойти за гения, в твоих работах будут находить всё, что угодно: от свежего взгляда до глубокой философии.

Насчет философии Антон поспорил бы, но черви с лицами женщин-вамп и сутулые люди с крохотными головами впечатляли.

Все роли, как выяснилось из осторожных расспросов, придумывал главред.

Несколько дней Антону было не по себе. Главред казался маньяком, чудовищным кукловодом, навязывающим каждому чужую жизнь - знать бы, в каких целях. Его вовсе не успокаивало то, что перманентно раздвоенные журнальные персонажи дискомфорта вроде бы не ощущали.

Натыкаясь в коридоре на щуплую фигурку в мятом костюме, Антон вздрагивал и шарахался, а главред втыкал в него пронизывающий взгляд и задумчиво сообщал:

– Хорошо работаете. Завтра заберёте у меня вопросы для интервью.

Первое интервью "Агриппина" давала на грани нервного срыва. Подумать только: "Косметику каких фирм вы предпочитаете? Расскажите о вашей первой любви. Считаете ли вы себя феминисткой? Как вы относитесь к липоксации?"

Некурящий Антон стрельнул у Козловского сигарету, десять минут кашлял, выпил две чашки кофе и полез в интернет. Искать косметические фирмы и липоксацию.

Второе интервью далось ему легче, тем более, что речь шла, в основном, о бытовой технике. В третьем Агриппина позволила себе немного личных взглядов, а в четвёртом - для "Модного софта" - Антон признался, что уменьшительные суффиксы в популярных статьях считает идиотизмом.

Под маской Агриппины можно было позволить себе

честность.

***

"Уважаемая редакция. В нашем посёлке постоянно происходят невероятные события, в реальность которых невозможно поверить! Не далее как вчера над магазином висел неопознанный объект эллиптической формы, вокруг которого распространялось яркое свечение..."

"Здраствуйте, редакция. Я постояно сталкиваюсь с непознаным. Хочу расказать несколько историй, что произошли со мной в последние время. Иногда самому не вериться, что такое бывает, но это все происходит со мной взаправду. Вот например год назад случилось..."

"Жили мы в деревне у родителей жены. Я в колхозе шоферил. Считалось что шоферил. Потому что грузовик колхозный без конца ломался. Так что я больше чинил его. И был значит не шофером, а больше механиком..."

"помогите! со мной происходит невероятное невозможное всякие ужасные вещи!! мне кажется у нас в доме поселился домовой и он меня ненавидит!!! я уже молоко ему ставила как вы писали и крошки оставляла и пуговицы в духовке!!! а тут ночью просыпаюсь..."

"Многие не верют, что ведьмы существуют, а я верю. Только не знаю, как правельно выбрать хорошую ведьму по объявлению в газете. Может вы в редакции подскажите, по каким параметрам надо выберать..."

Антон потёр уставшие глаза и переключился на редактор.

"Дорогие мои! Сегодня мы поговорим о домовых и прочей мелкой домашней нечисти, с которой вынуждены уживаться. Эта задача кажется несерьёзной перед проблемой мужа-пьяницы или малогабаритной квартиры (кстати, в малогабаритной квартире домовые предпочитают не селиться), однако и она требует решения..."

Агриппина оживала.

С каждым разом ему всё проще становилось подбирать нужные слова, он почти без содрогания ставил под текстом её имя. Он даже начинал представлять её зрительно: тёмные волосы, выбивающиеся из-под пёстрой ленты - интеллигентного варианта банданы; серые глаза с чуть поднятыми уголками - намёк то ли на азиатских предков, то ли на стилистику аниме.

И вкрадчивый голос, вещающий с рыхлых журнальных страниц.

"Как ни забавно, настоящая находка для домового - это хозяйка-неряха. Та, что оставляет на ночь неубранный стол,

недопитый чай в чашках и засыхающие хлебные горбушки. Домовой не брезглив, он охотно поужинает объедками, но стерильная чистота кухни приводит его в бешенство."

Агриппина обрастала привычками и пристрастиями. Она не делала маникюр, носила туфли на устойчивом каблуке и обожала грейпфрутовый сок. В её доме стояла мебель из металлических трубок, а в аквариуме жил черепах Кузя. Она терпеть не могла чиклит и тяжёлый рок, но обожала диксиленд и старомодные детективы про Пуаро и Коломбо.

"Домовой злопамятен, но неизобретателен. Методы, которыми он будет демонстрировать своё нерасположение к вам, в основном сводятся к мелкому полтергейсту и удушению во сне. Впрочем, в последнем случае до летального исхода дело не доходит: домовой отлично знает, кто его кормит."

У неё на кухне стоял холодильник с огромной морозильной камерой, набитой полуфабрикатами: она не любила готовить, а ходить в кафе ей было лень. К дверце холодильника примагничены крохотные керамические скульптуры: голова жирафа, стопка старых книг, кораблик в штиль - с парусами, обвисшими с трёх мачт, развернувшая крылья чайка.

Она варила кофе в медной турке и пила мартини из зелёного бокала, к которому не было пары.

"Домовой любопытен и шаловлив: он перекладывает с места на место ваши вещи, а некоторые прячет так, что их приходится искать неделями. Предки советовали в этом случае привязать домового ниткой за бороду к ножке стула..."

Иногда в пустой квартире ему чудились её шаги.

"Пожалуй, я покажу вам несколько пугающих историй, присланных нашими читателями, и вы сами убедитесь, что серьёзно настроенный домовой может превратить жизнь хозяина в сущий ад. Вот, например..."

Она всё чаще стояла у Антона за спиной. Приводя к себе очередную пассию, он ловил себя на том, что старательно уничтожает наутро все следы её пребывания, словно вот-вот должна вернуться из командировки жена. Задерживаясь допоздна в редакции, он пару раз машинально набирал домашний номер, чтобы предупредить... кого?

Не хватало только её фотографии возле монитора.

***

– Антон Викторович, с днём рождения вас, - прощебетала "Макар Игнатьич" и поставила на стол кружку с задорной щенячьей мордой.

– Спасибо, Юль, только оно у меня в октябре...

– Не может быть.

– Да серьёзно! - Антону стало смешно. - Ну хочешь, паспорт покажу?

– Это я так ошиблась? Ой, ну надо же! - трепетный эльф едва не всхлипнул.

– Да ладно, Юль, с кем не бывает. Поздравление авансом - это здорово.

Несколько минут Антон сидел, тупо глядя в монитор. Под ложечкой шевелилось нехорошее чувство.

Март. Да, конечно, только в конце марта и могла родиться Агриппина. В самом конце марта, когда с крыш падают тяжёлые капли, когда с неба сыплется то колючий дождь, то смёрзшиеся снежинки, а иногда то и другое одновременно. Когда снег слёживается в неопрятные груды под тяжестью грязной корки, когда всё больше света достаётся дню и тем мрачнее кажутся сумерки, когда на душе так томно и странно. На стыке воды и огня, когда заканчиваются неповоротливые Рыбы и начинается непредсказуемый Овен.

Агриппина, да. Но не он же!

Рассердившись на себя, Антон принялся раскапывать бумажный мусор, какой всегда накапливается вокруг компьютера. Старые номера "Взгляда в невозможное", распечатки науч-попа, наброски вкривь и вкось на мятых бумажках, mp3-сборники, книжка по html-вёрстке...

Неровно оборванный листок спланировал на пол, Антон дёрнулся его поймать и рассыпал всю стопку. Чертыхаясь, полез собирать. Дотянулся до улетевшей под батарею бумажки и недоумённо уставился на чёткие строчки:

"Феномен "нехороших мест" весьма разнообразен как по своему происхождению, так и по симптомам проявления. Соответственно, и объясняющих теорий существует великое множество..."

Что за чёрт! Это был его недавний материал, набросанный округлым, даже изящным почерком с манерными петлями над "д" и "в". Юлька что ли переписывала с экрана? Да нет, глупости, зачем бы это. И потом текст выглядит натуральным черновиком - с зачёркиваниями, исправлениями.

Словно испугавшись, он засунул листок в середину стопки и разом запихал весь бумажный хлам в корзину.

На следующее утро на рабочем месте его ждала кружка с горячим, только что заваренным чаем.

Можно было бы списать это на дружеский жест Козловского или робкие ухаживания Юльки, если бы не одно но: на дорогах не оказалось пробок, и Антон прибыл в редакцию первым.

Чай был зелёный с жасмином, его любимый.

Словно подстёгиваемый невнятной тревогой, Антон дописал ответы на очередную порцию глупых писем ("Как отличить чёрного колдуна от белого?", "Что делать, если нашёл чужую булавку в одежде?", "Покупать ли квартиру, если кошка не хочет в неё заходить?"), набросал материальчик по контактам с зелёными человечками и распечатал пару статей о контролируемых сновидениях - на будущее.

На следующий день на полях статей обнаружились заметки тем же округлым почерком. Заметки были дельными, сам Антон не написал бы лучше.

Или написал бы?

Или - написал?

В мусорной корзине валялся закончившийся тюбик губной помады. Довольно тёмный цвет, скорее коричневый, чем красный.

Антон почувствовал, что сходит с ума.

***

"К сожалению, время передачи "С утра пораньше" заканчивается. Спасибо нашим гостям за интересный рассказ, это было очень познавательно," - ворковал женский голос из радиоточки.

Антон разбил на сковородку второе яйцо.

"Напоминаю вам, что в следующем выпуске у нас в гостях редактор журнала "Взгляд в невозможное" Агриппина. Не пропустите передачу "С утра пораньше" завтра с утра пораньше."

Яйцо плюхнулось на плиту. Антон в ступоре смотрел на пыльную коробку радиоточки, словно ждал подтверждения. Но откуда уже неслось:

"Там, где я родился. основной цвет был серый;

Солнце было не отличить от луны"...

Сейчас Антон не отличил бы солнца от яичной скорлупы. Совершенно идиотская ситуация: это бумаге всё равно, какого цвета на ней буквы, но по радио Антон с его баритоном никак не сошёл бы за женщину. И главное, почему его никто не предупредил!

Он не помнил, как добирался до редакции.

– По-видимому, это фальсификация, - главред был безмятежен, даже взгляд сегодня словно потеплел. - Вы не отдаёте себе отчёта, Антон Викторович, что ваш м-м-м... персонаж становится весьма популярным. Сколько интервью вы дали за последний месяц в глянцевые журналы?

– Два.

– Это приличная цифра. Похоже, у вас получилась действительно интересная личность. То, что Агриппину никто никогда не видел, лишь подогревает любопытство.

– Но на радио придётся расшифроваться!

– Да кто вам сказал, что вы будете выступать на радио? Вот увидите, завтра они скажут, что по каким-нибудь немыслимым причинам участие Агриппины откладывается. Мы создаём свои сенсации, они свои, вот и всё.

Но Антон уже не мог успокоиться.

На следующее утро он загодя занял пост возле радиоточки. Как назло, звук то и дело пропадал, а ближе к началу "С утра пораньше" и вовсе перешёл в хрипы с повизгиваниями. Вроде бы сквозь помехи слышался женский голос, но был ли это голос ведущей или её гостьи, и что они говорили об Агриппине, разобрать не удалось.

Антон пожалел, что не предупредил кого-нибудь из

знакомых. Но что он мог им сказать? Мне кажется, что я должен выступать по радио, но не могу этого сделать, потому что это должна быть женщина? Бред собачий.

В конце концов, любая тётка может сесть перед микрофоном и сказать, что она Агриппина. Кто станет уличать в обмане какую-то местечковую радиостанцию.

На его клавиатуре лежала обёртка с куском шоколадки. Антон меланхолично дожевал её, предпочитая не задумываться, кто съел первую половину.

На автобусной остановке ветер мотал объявление про встречу с читателями. Антон обречённо прочёл в списке приглашённых имя Агриппины.

Билетов на встречу в кассах не оставалось.

Следующее явление Агриппины должно было произойти на телевидении, в программе "Битва гигантов". Антон чувствовал себя щепкой, попавшей в водоворот.

За час до передачи у него сломался телевизор. Жившие поблизости знакомые к телефону не подходили.

В половине восьмого он позвонил к соседу.

– Дядь Коль, у вас телевизор нормально показывает?

– Да вроде...

На экране мелькала реклама какого-то сока, следом запрыгали мобильные телефоны. Напроситься посидеть подольше Антону было неловко, не настолько близкие отношения он с соседями поддерживал.

Никто из редакции, как оказалось, эту передачу тоже не видел. Агриппина окружала Антона, но оставалась неуловимой.

***

Козловский гонял по экрану трёхмерных монстров.

– Слушай, ты не купишь мне билет в ДК "Ударница"? На десятое.

Тот поставил битву на паузу и перегнал сигарету из одного угла рта в другой.

– А кто там играет?

Антон помялся и выложил на клавиатуру рекламный листок:

"Редактор журнала "Взгляд в невозможное" Агриппина ответит на вопросы читателей. Невероятные факты и удивительные истории из практики редактора. 10 сентября, ДК "Ударница"

– Не знал, что ты уже на встречи с читателями ездишь! - хохотнул Козловский. - И как она, слава? А ты как, на шпильки встаёшь? Силиконовый бюстгальтер там, всё такое?

– Я тебя, как человека...

– Да ладно, молчу, чего ты нервный-то такой?

Тут Антон и рассказал, чего он нервный.

– Главное, я никак билет на эти встречи купить не могу. Как заколдованные - то ещё нету, то уже нету. Может, у тебя получится, как у лица незаинтересованного. Должен же я разобраться, как меня подставляют!

– Может, и подставляют. Хотя похоже на паранойю.

Антон насупился.

– Или вы просто вдвоём работаете - ты статьи пишешь, а тётка эта по встречам мотается. Главред чего говорит?

– Говорит, что ничего не знает. Он может врать?

– Вряд ли, на кой ему. Хотя кто его знает. Ладно, сгоняю тебе за билетами, потом расскажешь.

***

Он опять опоздал. В фойе дома культуры кучковалось всего несколько человек - то ли передумали идти на встречу, то ли вообще по своей надобности зашли.

Антон, запыхавшись, взлетел по лестнице и осторожно приоткрыл тяжёлую дверь.

Зал был полон. В полумраке едва различались лица, а на маленькой сцене жёлтый свет заливал одинокий стул с металлической спинкой, микрофон и крохотный столик с вазой цветов.

Антон вдохнул загустевший воздух и шагнул на скрипучий паркет.

По задним рядам пронёсся гул. Люди оборачивались, лица озарялись узнаванием, кто-то восторженно свистнул. Антон сделал шаг и едва не упал, качнувшись на высоких шпильках.

Зал зааплодировал.

Антон поднял руку ко лбу - это оказалась тонкая, изящная рука, на запястье болталась серебряная цепочка. Привычным движением пальцы отвели за ухо прядь тёмных волос, мимолётно оправили узкую юбку...

Под грохот аплодисментов, облитая жёлтым светом прожекторов, Агриппина шествовала к сцене. Торжествующая улыбка играла на её лице.

На мгновение ей показалось, что в десятом ряду мелькнуло знакомое лицо - растерянный взгляд за стёклами очков. Агриппина улыбнулась этому взгляду и наклонила поближе микрофон.

Здравствуйте, дорогие мои. Я рада вас видеть.

Март 2008 г.